

Судья принимает решение по закону на основании личного внутреннего убеждения.

На часах — восемь ноль пять. Значит, кофе пить уже некогда. И так опаздываю. Хотя, если повезет и на Таганке не будет пробки, может, я успею купить стаканчик эспрессо навынос в кафешке рядом с работой.

На ходу надевая плащ, я выскочила из квартиры.

На улице лило — уныло, по-осеннему основательно. В такую погоду сидеть бы под пледом, читать роман. Или камин топить. Или гулять вдвоем под зонтом от одной кофейни к другой. Желательно — в Париже.

Но о прогулках по кофейням с последующим чтением романов у камина и мечтать нечего. Равно как и о завтраке в постель. Завтрак в постель! Какое счастье, господи! Горячие булочки, масло, джем, целый кофейник крепкого кофе... Это могло бы примирить меня с действительностью даже в такую погоду. После булочек и кофе в постель я бы на работу шла, пожалуй, как на праздник. Э-эх...

Я вытащила ключи от машины, нажала кнопку сигнализации. Старенькая «Хонда» пи-

скнула в ответ. Ну что ты будешь делать?! Похоже, кофе навывнос мне сегодня не достанется. Выезд со стоянки перегородил здоровенный джип. Водителя в кабине не было.

Да что ж такое! Мало того, что я осталась без кофе, мало того, что погода — дрянь и я стою среди луж в белых замшевых сапогах, потому что черные — кожаные, непромокаемые, на шестидюймовых шпильках — надела Сашка, даже не спросила меня, просто ушла в них — и все. А теперь еще какой-то упырь раскорячился посреди подъездной дорожки ровно в тот момент, когда я опаздываю в первый же день на новую работу.

Вот ведь как хорошо в Париже! Бросил машину в неполюженном месте, тебе — бац, штраф в четыреста евро, чтоб в следующий раз неповадно было. И еще там Елисейские Поля, которые меня всегда почему-то раздражают, — почему поля, когда это проспект?! — галантные загорелые мужчины, Эйфелева башня и Люксембургский сад.

Пару минут я разглядывала необитаемый джип. Если просто стоять под дождем и ждать, когда появится владелец машины, то на работу сегодня и вовсе можно не попасть.

Я похлопала джип по капоту. Если сработает сигнализация, владелец тут же объявится. Сигнализация не сработала.

Я хлопнула сильнее. Джип ожил, замигал всеми своими многочисленными фарами и взвыл, как корабельная сирена в тумане.

Из окон начали выглядывать жильцы.

Но спуститься к машине никто не спешил.

Джип повыл и умолк, погасив фары. На часах было двадцать минут девятого.

Сапоги промокли насквозь. Сашке голову оторвать мало.

Когда дочь была маленькой, я мечтала, как она вырастет. Ей будет тринадцать, мне — тридцать пять, я буду помогать ей выбирать платья, она — делиться со мной первыми любовными переживаниями. Почему-то казалось, что тринадцатилетняя дочь — одно сплошное счастье и удовольствие. Теперь выяснилось, что к этому счастью и удовольствию прилагаются школьные проблемы, тонны квадратных уравнений, которые приходится проверять (и как же я это ненавижу, кто бы знал), мои истерики, когда Сашки после одиннадцати нет дома и телефон у нее выключен, ее истерики, когда меня нет дома, а ей срочно нужны деньги на проездной, а также постоянные сражения за ванную, за зеркало, за куртку, свитер, сапоги... Моя тринадцатилетняя дочь не делится со мной любовными переживаниями. Зато мне приходится делиться с ней одежкой. Сказать честно, я была не готова к тому, что Сашка так быстро вырастет и по утрам будет убегать в школу в моих сапогах. Хоть под подушку их на ночь прячь, честное слово!

Ну ладно, черт с ними, с сапогами. Сегодня как-нибудь обойдусь. Приеду на работу — переобуюсь. В багажнике должны лежать черные

туфли, помнится, я их забрала из ремонта, кинула в машину, а домой так и не отнесла. Как раз и пригодятся.

Однако до работы сперва надо доехать.

Я еще раз стукнула чужую машину — на сей раз по багажнику. Джип опять взвыл дурным голосом. Люди снова повысовывались из окон. На балконе третьего этажа появился мужик в красном шелковом халате и заорал, чтобы я не мешала людям спать, немедленно прекратила хулиганить и убиралась прочь, иначе он вызовет милицию. Свою прочувствованную речь нервный гражданин в халате обильно сдабривал идиоматическими выражениями.

— Я сама сейчас милицию вызову! — заорала я в ответ. — И присужу вам штраф до семи минимальных окладов или месяц исправительных работ за нанесение словесных оскорблений и поведение, нарушающее общественный покой!

— Ты что, прокурор, что ли? — хохотнул мужик.

На самом деле прокурором, вернее, помощником прокурора я была до вчерашнего дня. А начиная с сегодняшнего работаю судьей в Таганском районном суде. Так что штраф присудить могу преспокойно. Если, конечно, когда-нибудь попаду на работу...

— Прекратите кричать, спуститесь и уберите машину с дороги, — сказала я гражданину в халате.

Дождь падал на лицо, и, наверное, тушь у меня размазалась.

— Кто ее поставил — тот пусть и убирает, — резонно возразил нервный гражданин. — Вы с ним разбирайтесь, а нормальным людям не мешайте спать.

— Так это не ваша машина, что ли? — громко удивилась я.

— Еще чего! — Он фыркнул с таким презрением, будто во дворе стоял не роскошный внедорожник, а какая-нибудь ржавая рухлядь, детище жигулевского автозавода.

Хлопнула оконная рама. Гражданин в халате скрылся в недрах своей квартиры. Я снова осталась наедине с бесхозным джипом.

Часы показывали без двадцати девять. Через двадцать минут начинается мой первый рабочий день на новом месте. Похоже, он начнется без меня...

В итоге мне все же удалось выехать со двора. Правда, для этого пришлось взобраться на высокий бордюр и проехать по газону. С разгона вскакивая на бордюр, я чувствовала себя немножечко Джеймсом Бондом. В конце концов, чем я хуже? Русская женщина любого Бонда за пояс заткнет. Разве что машина моя не так хорошо приспособлена к подобным трюкам. После того как я по-бондовски лихо с бордюра съехала, под капотом несчастной машинки что-то истерически заколотилось. Там и раньше постукивало — тихо, деликатно и только если резко трогаясь с места. Я собиралась загнать

машину на сервис, но все руки не доходили. Похоже, теперь до сервиса все же придется доехать.

Спасибо владельцу джипа, из-за которого мне пришлось скакать по бордюрам.

На Таганке, конечно же, было столпотворение. Кажется, не было случая, чтобы я здесь проехала, не постояв полчаса на светофоре. Интересно, если приехать на Таганскую площадь, скажем, в половине пятого утра? Тоже попадешь в пробку?..

Я глянула в зеркало заднего вида, достала платок, вытерла потеки туши под глазами. За окном лил дождь. По стиснутой серыми мокрыми зданиями улице текла серая толпа людей в мокрых плащах...

Я должна быть на работе в девять. В итоге в девять пятнадцать я только сворачивала из переулка к зданию суда. А еще мечтала купить кофе навынос!

Парковка рядом с судом была, разумеется, вся заставлена машинами. Оставалось или парковаться на газоне (штраф до тысячи рублей, не как в Париже, но приближаемся, приближаемся к цивилизованным странам, елки-палки!), или встать на единственное свободное место аккуратно посреди глубокой лужи. Бог бы с ним, со штрафом, но газон от проезжей части отделял бордюр. Еще одной встречи с бордюром моя «Хонда» точно не переживет. Так что я решительно въехала в самый центр лужи. Волны ее разошлись, подобно волнам Красного моря пе-

ред евреями, обдав окна мутной жижей. Я открыла дверцу, вышла из машины и оказалась по шиколотку в воде. Белые замшевые сапоги пришились как нельзя кстати...

В сапогах, которые после купания в луже окончательно перестали быть белыми, хлюпала вода. Господи, как же кофе хочется, кто бы знал... Так, кажется, где-то здесь должен быть мой кабинет. Я подошла к двери с табличкой «Лавренюк Василий Васильевич, судья». С сегодняшнего дня Василь Васильич Лавренюк — это я. Не беда, что зовут меня Елена Владимировна и фамилия моя вовсе не Лавренюк, а, напротив, Кузнецова. Не имя красит человека, или как там? А, не место красит. Да. Но и не имя тоже.

Я вошла в кабинет и осмотрелась. Это место, бесспорно, никого украсить не могло ни при каких обстоятельствах. Судя по всему, Василь Васильич был человеком прижимистым и, покидая старое место работы, действовал по методу выжженной земли. Не кабинет, а сплошное торжество минимализма. У стены — колченогий стол, который Василь Васильич, возможно, просто не смог вынести. Рядом притулился стул. Все остальное судья Лавренюк перевез с собой на новое место работы. А, нет, вру. Еще он оставил мне гвоздь. Очень-очень одинокий большой гвоздь торчал из стены аккуратно над столом.

Что ж такого ценного на этом гвозде висело-то? Парадный портрет бабушки-дворянки?

Коллекция экзотических бабочек под стеклом? Фото президента с личным автографом «Дорогому Василь Васильичу на добрую память»? Скорее всего, именно президент в рамке и висел. Только, наверное, все же без автографа. Просто постер за сто рублей. Почему надо было сторублевый постер стаскивать со стены, оставляя этот безобразный голый гвоздь, — загадка. Я решила, что, если заведу собственного президента в рамке, ни за что не буду его забирать при переходе на другую работу. Оставляю тому, кто займет кабинет после меня. Просто чтобы человек не чувствовал себя узником Алексеевского равелина.

Даже если вместо постера с президентом я раздобуду коллекцию экзотических бабочек в рамке, парадный портрет адвоката Плевако или большое венецианское зеркало — все равно не стану забирать. Хотя нет, зеркало заберу, ну в смысле если раздобуду!.. Зеркало мне и дома пригодится, а то мы с Сашкой вечно друг друга от единственного трюмо в прихожей гоняем.

Впрочем, пока у меня не было ни зеркала, ни коллекции бабочек в рамке, ни портрета Плевако, ни постера с президентом. Так что я повесила на гвоздь мокрый плащ. Во-первых, потому, что больше его все равно некуда вешать. Во-вторых — чтобы не было соблазна использовать гвоздь по прямому назначению. Глядя на него, хотелось немедленно повеситься. Особенно в такой вот славный рабочий день.

дить... Сколько там времени мы проводим на службе? Я помножила в уме восемь часов на двести сорок рабочих дней (множить в уме в последнее время стало моим хобби, у Сашки были нелады с алгеброй). Получилось почти две тысячи часов в год. И это — минимум. Восьми-часовой рабочий день — он ведь у нас только по закону восьмичасовой.

По ту сторону голого зарешеченного окна сыпался дождь. Голый крохотный московский палисадничек с изломанными кустиками и разбегенной, словно трактор тут катался, мокрой землей с остатками жухлой травы ничем не напоминал Люксембургский сад. Вот дался мне этот сад!.. Надо где-нибудь хоть горшком с геранью разжиться, что ли. Герань на подоконнике — мещанство, конечно. Но лучше уж мещанство, чем такой минимализм.

Я стащила мокрые сапоги. Поставлю на батарею, пусть хоть чуть-чуть просохнут.

На парковке, стоя по щиколотку в треклятой луже, я перерыла весь багажник, но туфли, на которые так рассчитывала, не нашла. Наверное, я их все же забрала из машины. Так что, похоже, на слушание дела придется выходить в грязных сапогах. А я-то надеялась в первый рабочий день поразить многоуважаемый суд своей красотой и элегантностью.

Я как раз пристраивала сапог на батарею, когда в дверь коротко стукнули и на пороге нарисовался молодой человек в отутюженном, без

единой морщинки, костюме и круглых очках а-ля Гарри Поттер.

— Доброе утро, Елена Владимировна, — сказал он. — Я Дмитрий Косарев, ваш помощник.

Начищенные ботиночки, белоснежный воротничок, аккуратная прическа, вежливая улыбка... Этот молодой человек явно не прыгал сегодня на старенькой «Хонде» по бордюрам, не стоял по щиколотку в мутных водах московской лужи, не ругался вчера с дочерью из-за алгебры. И кофе он, конечно же, с утра пил. И не как-нибудь там на бегу, торопясь и обжигаясь, а чинно-благородно, сидя за столом. Наверняка он пил кофе уже чистенький, выбритый, причесанный. Может, даже салфетку за воротник заложил, чтобы не испачкать случайно рубашку. И наверняка за кофе читал свежий номер «Судебного вестника» или книжку какого-нибудь американского психолога про то, как правильно делать карьеру. И заедал все это горячим бутербродом.

Горячий бутерброд мне сейчас был бы ох как кстати. Впрочем, и холодный сойдет. С сыром. Или с ветчиной — все равно. И кофе. Большая чашка... Хотя сгодится и чай. Только крепкий. И сладкий. Если с лимоном — так и совсем хорошо.

Ни чая, ни кофе, ни бутерброда у меня не было. «Надо будет хоть чайник купить на работу, что ли, — подумала я, разглядывая молодого человека не слишком вежливо. — И чашку.

И пачку заварки. А сегодня придется побираться у кого-нибудь из местных знакомых». Когда я работала в прокуратуре — часто заходила в суд по делам и многих тут знаю. В сущности, есть очень славные люди. И чаем всегда поили, и просить не приходилось — сами предлагали. Правда, тогда я была помощником прокурора. Сотрудники судов обожают поболтать за чаем с работниками прокуратуры — это не только приятно, но и полезно. Однако, как говорится, не стоит путать туризм с эмиграцией. Теперь я тоже сотрудник суда. А любят ли судейские распивать чай друг с другом, я не знаю.

— Здравствуйте, приятно познакомиться, — сказала я, протягивая Гарри Поттеру руку.

О, черт! В руке все еще был мокрый извозюканный сапог. Я сунула сапог к батарее, отряхнула руку о юбку (изящный жест, чего уж там) и босиком прошествовала к столу. Да гори оно все синим пламенем!

— Мне приступить? — поинтересовался Гарри Поттер.

Я кивнула. Отчего не приступить?

— Правда, мне вас даже посадить некуда, — посетовала я. — Похоже, мой предшественник гостей принимал на восточный лад, на полу.

Это была шутка. Просто попытка разрядить атмосферу.

Гарри — то есть Дима — никак не отреагировал. Смотрел на меня все с той же вежливой полуулыбкой, которая вдруг показалась мне иезуитской.

— Ничего страшного, Елена Владимировна. Тем более что сидеть-то, в сущности, некогда. У нас много работы.

Это что? Намек на мое опоздание?

Дима положил на стол распечатку.

— Вот. Список дел, оставшихся от вашего предшественника.

Я просмотрела список. Однако. От предшественника мне в наследство осталось ни много ни мало двадцать одно дело. Милейший Василь Васильич отбыл на новое место работы, прихватив с собой все хозяйство, включая сторублевый постер с президентом, а мне предоставил разгребаться с двумя десятками дел, которые надо было рассмотреть, что называется, еще вчера. И ведь наверняка уходил Лавренюк с чистой совестью, с чувством выполненного долга, небось думал, что ему должны спасибо сказать, что раньше не ушел. У нас ведь мужики в районных судах вообще не задерживаются. Работа тяжелая, неблагодарная, платят мало, а головной боли — немерено. Так что, проработав года три, очередной Василь Васильич (Иван Иваныч или Альберт Эдуардович) отбывает на новое место — потеплее — в областной суд, например. А разгребаться со своими делами предоставляет нам, женщинам. Мне вот, например. И я буду сидеть по ночам, читать эти дела, потому что деваться мне некуда. У меня дочь, которую надо кормить, одевать, учить, возить летом к морю. И съемная квартира — крошечная хрущевка, за которую я отдаю почти всю зар-

плату. В прокуратуре мне служебной квартиры никто не обещал, а в суде дают. Поэтому, конечно же, я буду сидеть над делами, сколько потребуется. Вообще-то я люблю свою работу. Я просто по ночам сидеть не люблю.

Я попросила Диму принести дела и раздобыть кофе.

— Кофе сейчас будет, — кивнул Дима. — Дела какие нести?

— Какие есть — те и несите, — сказала я.

— Все? Елена Владимировна, разумеется, я сделаю, как вы скажете, вы судья, вам решать, но они все здесь элементарно не поместятся. Каждое — минимум три тома... Может быть, пока принести часть?

Наверное, не стоит портить отношения с помощником в первый день работы. Да и во второй тоже. С другой стороны, лучше сразу расставить точки над *i*.

— Тем не менее, — сказала я. — Сделайте, пожалуйста, так, как я попросила. Принесите все дела. Думаю, уместить их в кабинете будет не очень сложно — мебели у меня почти нет.

Через полчаса в руках у меня была чашка кофе (наконец-то!), а на столе — гора папок, из-за которой меня почти не было видно.

— Спасибо за кофе, — сказала я, отодвигая чашку и вытаскивая из стопки первое дело.

— Вы хотите читать сами? — удивился Дима.

— Разумеется, — ответила я, искренне недоумевая, кто же, собственно, будет читать, если не я.

— Я могу предложить вам систему, которую мы практиковали с Василием Васильичем? Собственно, это общепринятый алгоритм работы в суде. Я буду читать материалы и составлять для вас справку об обстоятельствах дела, истце, ответчике... Это облегчит работу.

Ну вот, опять он меня учит родину любить! А я, может, Люксембургский сад хочу любить!

— Дима, — начала я как можно более внушительно. Пусть знает, что при необходимости я вполне могу быть стервой. — Поскольку Василь Васильича с нами больше нет, «система» теперь несколько изменится. Я буду читать дела сама. Работу это, может, и не облегчит, зато я смогу вникнуть во все детали.

— Конечно, Елена Владимировна, как скажете, — кивнул Гарри Поттер и вышел из кабинета все с той же вежливой улыбочкой.

Я подвинула к себе папку под номером 2-118/10. Мое первое дело в суде.

• • •

Сэм выключил воду, отложил бритву в сторону, привычно плеснул одеколоном на ладони, похлопал себя по свежевывбритым щекам... С кухни доносился запах кофе. Джейн уже встала. Или она не спала вообще?

Сэм открыл шкафчик под зеркалом и стал перебирать банки, флаконы и коробки с лекарствами. Антидепрессанты были спрятаны в

дальний угол шкафчика. Значит, Джейн снова их принимает.

Сэм вздохнул, запахнул халат и вышел из ванной.

Джейн стояла в гостиной у окна, глядя на купола храма Христа Спасителя — служебная квартира, которую фирма предоставляла Джонсонам, была как раз напротив него.

Увидев Сэма, она быстро спрятала за спину толстого плюшевого медвежонка.

Медвежонка для Люиса они купили в «Детском мире» в тот день, когда впервые увидели на экране аппарата УЗИ, как бьется сердце их ребенка. Такого долгожданного, такого вымученного ребенка.

Сэм вспомнил, как впервые увидел Дженни.

Было шесть утра. Маргарет, его первая жена, готовила себе завтрак — перемешивала в блендере какую-то полезную и исключительно вонючую дрянь из магазина спортивного питания. Немножко дряни, немножко молока, банан, отвратительная серо-буро-малиновая каша на выходе. Маргарет признавала только здоровое питание. Сэм считал, что банками из магазинов здорового питания вымощена дорога в ад, и ждал, пока жена уедет, чтобы зажарить себе омлет (Маргарет уезжала из дому ни свет ни заря, чтобы до работы заскочить на часок в спортзал). Жарить омлет, пока жена не уехала, — значит подставляться. Мардж снова будет битый час рассказывать ему о вреде холестерина. Сэм ничего про холестерин слушать не же-

лал, в особенности — с утра, так что счел за лучшее молча прихлебывать кофе из большой кружки и ждать, когда супруга уедет.

Ждать просто так было скучно. Сэм сунул ноги в шлепанцы, поплотнее запахнул полосатый домашний халат — старый, уютный, с несмываемым пятном от красного вина на рукаве (Мардж этот халат ненавидела, пару раз Сэм вытаскивал его из пакетов, приготовленных для Армии спасения). Шаркая шлепанцами, с кружкой в руке, он побрел через лужайку к почтовому ящику. Собственно, всерьез надеяться, что в ящике обнаружится хоть что-нибудь мало-мальски интересное, было глупо. Ну что там может быть? Счета? Письмо из банка с предложением открыть пенсионный счет? Рекламные буклеты туристической компании (неповторимый круиз по Атлантике, скидка — тридцать процентов)? Что-нибудь в этом роде. Но Сэм все равно любил ходить по утрам к почтовому ящику. Возможно, где-то в глубине души он все еще по-детски мечтал о Волшебном Сюрпризе. Может, о заросшей водорослями бутылке с картой клада в Карибском море. А может — о надутенном письме на розовой бумаге от Незнакомки, Попавшей в Беду (Сэмюэл Джонсон, я обращаюсь к вам, потому что вы известны своим умом и благородством, к тому же никто другой не в силах мне помочь). Все же Мардж, по всей видимости, права, когда называет его инфантильным и говорит, что без нее он пропадет...

Разумеется, ни бутылки с картой клада, ни письма от незнакомки в ящике не было. Был только буклет туристической компании. Сэму предлагалось немедленно отправиться в путешествие. Правда, не в круиз по Атлантике, а на романтический уик-энд в Париж (скидка — сорок процентов, щедро, ничего не скажешь). Может, уговорить Мардж махнуть в Париж? Может, сорокапроцентная скидка ее соблазнит? Сэм попытался представить себе романтический уик-энд в Париже с Маргарет. Ничего не вышло.

Он захлопнул дверцу почтового ящика, сунул рекламный проспект в карман, хлебнул кофе и потащился обратно к дому, надеясь, что Мардж уже одета и скоро он сможет наконец спокойно позавтракать хорошенькой порцией чистого холестерина с поджаристой корочкой. Пожалуй, это будет омлет с беконом. И сверху немного грибов. И еще — совсем уж для полного счастья — парочка свиных сосисок, если, конечно, Мардж тайком не выкинула их из морозильной камеры. Решено. Свиные сосиски — вот что ему требуется сегодня утром!

На соседском участке возле клумбы незнакомая женщина возилась с цветами. Похоже, соседи таки пригласили флориста заняться их садиком.

Женщина стояла на коленках перед почти законченной клумбой. В руках — садовые ножницы. Огненно-рыжие волосы, россыпь веснушек на носу, садовые перчатки и шорты пере-

мазаны землей. Наверное, она не ожидала, что кто-то увидит ее в такую рань. А может, ей просто было плевать.

В руках женщина держала кустик каких-то мелких розовых цветочков. Бегония? Анютины глазки? Розы? Сэм никогда не разбирался в цветах... Она что-то говорила этим своим цветочкам — негромко и дружелюбно. Она делала это совершенно всерьез и, похоже, верила, что цветочки ее слушают и понимают. С таким же выражением лица двоюродная племянница Сэма, Люсиль, разговаривала со своими плюшевыми медвежатами. Правда, Люсиль было пять с половиной лет.

Вообще-то Сэм привык считать, что люди, склонные беседовать с неодушевленными предметами или растениями, нуждаются в помощи психиатра. Но, увидев в шесть утра, как посреди фешенебельного пригорода Нью-Йорка незнакомая рыжеволосая женщина в перемазанных землей шортах делает внушение кусту бегонии (или как там эти цветочки зовут), он почему-то нашел это страшно трогательным. Наверное, это очень добрая женщина. И веселая, и нежная. И совершенно непохожая на его жену Маргарет.

Женщина, закончив разговор с кустиком, сунула его корнями в приготовленную ямку и присыпала их землей. Она выпрямилась, прикрывая лицо тыльной стороной ладони в грязной перчатке, глянула на солнце, улыбнулась.

Она была еще и чертовски красивой, когда вот так стояла, улыбаясь солнцу.

Сэм вдруг подумал, что с такой женщиной, наверное, здорово было бы провести пару дней в Париже. Он, правда, немедленно устыдился таких мыслей. В свои двадцать пять лет Сэм знал только одну женщину — свою жену.

Горячий кофе из кружки плеснулся на рукав. Сэм заскакал по траве, тряся обожженной рукой. С левой ноги слетел шлепанец. Господь всемогущий! Он и забыл, что торчит на лужайке в полосатом старом халате и с кружкой в руке. Как неудобно. Скорее всего, рыжая женщина решит, что он полный идиот.

— Сэм, почему ты не одет?! Зачем ты снова вытащил этот дикий халат? Я хотела отдать его в церковь для благотворительной распродажи!

Ну вот, Маргарет его застучала. Теперь уж он окончательно выглядит идиотом, который даже прилично одеться сам не умеет.

— Не забудь, в одиннадцать — совещание. Отец просил тебя не опаздывать! — сказала жена, садясь в машину.

Маргарет была дочерью делового партнера его отца, работала вице-президентом в семейной фирме по производству высокотехнологичного строительного оборудования, где Сэм, инженер-электронщик по профессии, занимал скромную должность заместителя старшего технолога. Так что Мардж приходилась ему не только женой, но и начальством.

Подобрав шлепанец, Сэм водрузил его об-

ратно на ногу и зашаркал в дом. Дико неудобная ситуация. Хочется сквозь землю провалиться. Но до чего же славная женщина! Стоя на крыльце, он все же не выдержал и обернулся. Рыжеволосая женщина засмеялась низким грудным смехом (почему-то совершенно необидно) и помахала ему рукой.

Много лет спустя Дженни призналась, что в тот день, глядя на скачущего по газону Сэма, который пытался отряхнуть кофейное пятно с халата (зрелище нелепое до невозможности), она подумала: хорошо бы этот мужчина был моим мужем. Я родила бы ему ребенка, и мы были бы счастливы во веки веков и умерли в один день глубокими старичками. Подумала — и сама испугалась. Джейн Миллз, о чем это ты? С чего такие мысли? Парень женат! Его жена — красивая, подтянутая, в наглаженном деловом костюме — как раз сейчас усаживается в свой новенький «Порше». Ты же дала себе слово: больше никаких женатых мужчин!

Джейн стояла на лужайке, вся перемазанная землей, и думала, что жизнь устроена как-то уж очень несправедливо.

Сэм не знал, что Джейн давала себе какие-то там обещания насчет женатых мужчин. Он был не в курсе, что за плечами у этой веселой рыжеволосой женщины — глупейший студенческий брак с художником, который оказался алкоголиком, к тому же поколачивал ее (после очередной ссоры Джейн сделала аборт, подала на развод и сбежала в Нью-Йорк, чтобы

начать новую жизнь), и почти десять лет мучительных отношений с женатым писателем, замешенных на лжи и пустых обещаниях. Отношения были тяжелые, изматывающие, из-за них не хотелось жить. Однажды Джейн нашла у своего писателя пузырек со снотворным и выпила почти все. Слава богу, она вовремя испугалась и успела позвонить в службу спасения. Проведя трое суток в отделении интенсивной терапии центрального госпиталя, Джейн вышла оттуда с синяками от капельницы под ключицей и твердым решением: больше никакой любви (во всяком случае — к женатым мужчинам). Любовь — мучительна. Любовь чуть не убила ее. Пора остановиться.

Сэм ничего этого не знал и, признаться, знать не хотел. Чего он хотел? Видеть ее. Разговаривать с ней. Слушать, как она смеется. Чувствовать тепло ее кожи, запах волос. Чувствовать себя счастливым. Чувствовать себя живым.

Встреча с Джейн изменила его. С детства тихий и застенчивый, выросший в тени коммерческого гения отца, привыкший быть на вторых и третьих ролях, уверенный, что им не может заинтересоваться ни одна женщина (исключение — Маргарет, сама сделавшая ему предложение, но для нее это был скорее вопрос бизнеса, чем увлечение), Сэм неожиданно сам для себя проявил поразительную активность и настойчивость. Он приглашал Джейн на кофе, убедил Маргарет в необходимости устроить альпийскую горку за домом (разумеется, горкой зани-

малась Джейн), предлагал ей помощь, когда Джейн ехала за покупками, болтал без умолку, даже шутил. И — о чудо! — она смеялась его шуткам.

Однажды вечером они возвращались из супермаркета (Сэм предложил подвезти Дженни, это уже вошло у него в привычку). В кафе на заправке они взяли по хот-догу (Мардж при виде этих хот-догов точно удар бы хватил).

Сэм смотрел, как Джейн ест, как она смеется и вытирает вымазанный кетчупом подбородок тыльной стороной ладони. А потом взял ее за руку и поцеловал. Вот в эту самую ладонь. А потом — в подбородок, вымазанный кетчупом.

Он никогда и никого не решился бы вот так вот первым поцеловать. Стеснительный до заикания, он был уверен, что не стоит и пробовать — все равно получишь отказ. Маргарет сама затащила его в постель, а потом — под венец. (Боже, Сэм, ты совершенный теленок, ни одна другая женщина не стала бы с тобой возиться! Сама не пойму, зачем ты мне нужен...)

С Джейн все было по-другому. Он больше не чувствовал себя теленком, он ничего не боялся, ему было на все наплевать. Он целовал ее, она отвечала, и больше ничего на свете не имело значения. Пусть мир летит в тартарары, оно того стоило.

Наутро Сэм, как обычно, вышел к почтовому ящику. В ящике его ждал в высшей степени Волшебный Сюрприз. Письмо в длинном кон-

верте. Письмо было не надушено, да и бумага, признаться, оказалась вовсе не розовой, а, напротив, белой. В письме Джейн сообщила, что они больше не могут встречаться, она слишком любит и уважает Сэма, чтобы позволить себе адюльтер, что ни к чему не обязывающий роман с женатым мужчиной — не ее амплуа. Она просто не переживет этого романа. Вот так.

Доделывать их альпийскую горку фирма по ландшафтному дизайну прислала другую женщину. Она не разговаривала ни с бегониями, ни с Сэмом.

Вечером Сэм устроил подростковый бунт 69-го года. Купил упаковку пива и выпил все шесть бутылок, пользуясь тем, что Мардж не было дома — она отправилась на деловой ужин.

Потягивая пиво на веранде, он думал о своей жизни. Жизнь его, в сущности, прекрасно налажена, разве нет? У него есть хороший дом, есть банковский счет, год от года растущий, есть стабильная, прилично оплачиваемая работа. У него есть жена — умная, красивая, успешная женщина. От такой жизни Сэму остро захотелось умереть.

Утром он вышел на кухню с сильнейшей головной болью. Мардж смешивала в блендере свою утреннюю дрянь. Увидев мужа, она поджала губы.

— Сэмюэл, — сказала она. — Нам необходимо поговорить. Я обнаружила в мусоре шесть бутылок из-под пива. Я не желаю иметь мужа-алкоголика.

И тогда Сэм совершенно неожиданно для себя сказал:

— Ты права. Я подам на развод.

Развод дался Сэму большой кровью и стоил кучу денег. Маргарет получила дом и практически все накопления, к тому же следующие восемь лет Сэм должен был выплачивать ей драконовские алименты (поскольку на развод подал именно он).

Прямо из зала суда Сэм поехал к Джейн. Они не виделись с того самого дня, когда он поцеловал ее в машине по дороге из супермаркета. Не виделись, не писали, не звонили друг другу. Сэм не знал, живет ли она по прежнему адресу, вышла ли замуж, примет ли его и что он станет делать, если нет.

Джейн его приняла.

Поначалу им приходилось тяжело. Съемная квартирка размером с обувную коробку съедала почти все деньги. Впрочем, Сэму эта квартира нравилась куда больше его прежнего холодного дома. У них с Джейн была плитка, чтобы варить кофе, цветок на подоконнике и огромный матрац, на котором они любили друг друга. Большого нельзя было и пожелать.

На Сэма ополчилась вся семья. Отец души не чаял в Маргарет. Узнав, что сын променял ее на какую-то садовницу из Алабамы, к тому же на пять лет старше его, отец пришел в ярость и выдвинул Сэму ультиматум: или вернись к Мардж, или — вон из семейного бизнеса.

но более дипломатичная, позвонила, чтобы пригласить Сэма на ужин и спокойно все обсудить. Трубку сняла Джейн. Мать передала приглашение и добавила: «Вас, милочка, я не зову — не хочу ставить в неловкое положение. К ужину омары, не думаю, что вы умеете их есть».

На ужин Сэм не пошел. Из отцовской фирмы уволился. Месяц сидел без работы. Джейн в него верила и говорила, что работа будет. И она появилась.

В течение следующих нескольких лет Сэм сделал блестящую карьеру. Благодаря Джейн, ее бесконечному терпению, здравому смыслу, а главное — ее любви к нему, Сэму постепенно удалось наладить отношения с родителями. Когда отец умер, именно Джейн утешала его мать и занималась организацией похорон.

Они наконец смогли осуществить свою давнюю мечту — поехать в Европу и увидеть Париж.

Они купили собственный дом и лучшую комнату сразу же отвели под детскую.

Маргарет никогда не хотела иметь детей. Она находила их шумными, была уверена, что они мешают карьере, к тому же считала, что Сэм сам не хуже ребенка нуждается в опеке. Все годы их брака она принимала противозачаточные таблетки, но все равно панически боялась забеременеть.

Джейн мечтала родить Сэму ребенка. Он знал, что женщина, у которой даже для куста

бегонии найдется доброе слово, будет исключительной матерью. Когда врач, отводя глаза, сказал, что шансы Дженни родить малыша ничтожно малы, Сэм не поверил. Но, увы, это было правдой.

. . .

За годы совместной жизни Сэм и Джейн научились быть стойкими. Они любили друг друга, верили, что смогут преодолеть все, что угодно, и никогда не сдавались.

Джейн объездила пять американских и три европейские клиники, лечилась у лучших специалистов. Когда четыре года назад Сэму предложили возглавить отделение компании в России, Джейн обошла и московских врачей.

Какая насмешка судьбы... До встречи с Сэмом Джейн не хотела никаких детей. Она сделала три аборта. Один — в Алабаме, в сельской больнице, после того как ее избил муж-алкоголик (Джейн поняла, что рожать от такого человека категорически нельзя, равно как и жить с ним). Еще два — уже в Нью-Йорке. Она встречалась с женатым мужчиной, ни о каких детях и речи быть не могло, Джейн принимала пилюли, но все равно два раза подряд беременела. Это было очень некстати...

Сейчас она отдала бы все на свете за то, чтобы иметь возможность родить ребенка. Но Бог, по всей видимости, решил, что возможностей у Джейн было недостаточно, а раз она ими не

воспользовалась, значит, и детей ей никаких не нужно.

В Москве Джейн снова назначили лечение — очередную новую схему. Каждый раз, когда доктора меняли схему лечения, Джонсоны надеялись, что уж на этот раз все точно получится. Надеялись и теперь.

Дженни колола бесконечные гормоны, от этого отекало лицо и ноги. Впрочем, мешки под глазами — полдела. Беда в том, что изнанкой гормональной терапии были еще и постоянные обмороки, низкое давление, упадок сил... Иногда утром она не могла встать с постели — то есть физически не могла. Потом у спокойной и веселой Джейн начались нервные срывы, слезы, истерики, после которых она сутки или двое сидела в халате в углу гостиной, тупо уставившись в стену — непричесанная, заплаканная, несчастная. Однажды Сэм оставил ее в таком состоянии и уехал на два дня на семинар в Петербург. Джейн заверила, что с ней все будет в полном порядке. Но, вернувшись, он застал ее все там же — в углу дивана. Рядом стояла тарелка с нетронутым ужином, который Сэм оставил на столике перед отъездом.

С тех пор он старался не оставлять Джейн надолго одну. Иногда срывался с работы, наплевав на переговоры, семинары, контракты и другие важные дела. Сидел рядом с женой, заставлял ее есть, одевал, как ребенка, вел на прогулку... Постепенно Джейн приходила в себя. А спустя неделю-другую снова случался срыв.

Когда они только приехали, Джейн устроилась в бюро по ландшафтному дизайну. Уже через полгода она довольно сносно могла объясняться с клиентами и сотрудниками по-русски. Джейн нравилась работа, коллеги ее любили, клиенты были довольны. Но из-за проблем со здоровьем, связанных с последствиями терапии, она все чаще сидела дома.

Впрочем, проблемы с работой — это ерунда. Эти проблемы можно решить. Другое было куда серьезнее.

Попытки завести ребенка сопряжены со строжайшим режимом сексуальной жизни. Каждые два месяца врач составлял для Джонсонов график. Отмеченные в календаре периоды воздержания, отмеченные в календаре благоприятные для зачатия дни, часы, чуть ли не минуты. Секс по звонку таймера.

Они неделями ночевали в разных спальнях, и это было мучительно, во всяком случае — поначалу. Мучительно было заниматься любовью по расписанию. В конце концов любовь для них почти превратилась в тяжелую, неприятную, но необходимую процедуру вроде похода к стоматологу.

Когда органайзер начинал деликатно позванивать, напоминая, что через час Сэм и Дженни должны лежать в постели и пытаться (боже, в проклятый сотый раз пытаться!) сделать ребенка, Сэм срывался с работы и мчался по московским пробкам домой, где его уже ждала Джейн — ждала обреченно, мучаясь чувством

стыда и собственной неполноценности из-за того, что не может родить такого желанного, такого необходимого им обоим ребенка.

Нет, слава богу, за годы своих мытарств по клиникам и специалистам, несмотря на расписание, на вечные гормоны и секс по часам, они не утратили влечения друг к другу. Но если раньше их любовь была легкой, радостной, светлой, то теперь к ней примешивалось вечное чувство потери, горечь бесконечных разочарований, неловкость. Нередко, занимаясь любовью с женой, Сэм чувствовал слезы у Джейн на лице, и это были отнюдь не слезы восторга.

Когда в подходящий для зачатия день и час они ложились в постель (поначалу — мучимые неловкостью ситуации, позже — почти равнодушные), Сэм остро ощущал ненормальность происходящего, неуместность этого секса. То, чем они занимались, больше не было актом любви. Это было актом отчаяния. А ребенка все не получалось.

Однажды Сэм поймал себя на мысли: «Я не хочу этого делать. Я не хочу иметь к этому отношения. Я не хочу ехать домой».

Он испугался, прогнал эту мысль, затолкал в дальний угол сознания, сделал вид, что ничего такого не было. Но оно было, вот в чем проблема.

Убедившись, что естественным образом ребенка Джонсонам не зачать, врачи посоветовали искусственное оплодотворение.

Снова гормоны. Почти полгода в разных

спальнях. Впрочем, для Сэма это было почти облегчением. Да и для Джейн, пожалуй, тоже. Расходиться вечером по своим комнатам было честнее, чем ложиться в общую постель по звонку. С этим сексом по расписанию оба почти забыли, что такое настоящее желание.

Раз в месяц Дженни с Сэмом приезжали в клинику, чтобы сдать «репродуктивный материал», как это деликатно называли врачи. Для Джейн процедуры были мучительны.

— Увы, голубушка, — сказал профессор, занимавшийся с ней. — Взять у вас яйцеклетку безоперационным путем невозможно. Придется делать прокол в стенке матки.

Джейн делали эти проколы одиннадцать раз.

Операцию проводили под местной анестезией — совершенно безболезненно. Но потом, когда Сэм привозил жену домой, анестезия отходила, и Дженни иногда сутки, а иногда — трое почти не вставала с кровати. По квартире она ходила, закусив от боли губу, согнувшись почти пополам. Ей было больно ходить в туалет, больно сидеть, больно лежать... По ночам она плакала. После третьей процедуры Сэм стоял, чтобы жене выписали снотворное.

Дженни мужественно терпела, но все было бесполезно: эмбрионы никак не хотели выживать в пробирках, месяц за месяцем гибли.

Наверное, правда, что человек привыкает ко всему. Джейн привыкла к ежемесячным поездкам в клинику, к тому, что ей почти все время больно, к тому, что без снотворного не уснуть.

Она заставила себя вернуться к работе, по вечерам сидела над эскизами клумб и альпийских горок для своих русских клиентов, ездила к поставщикам за саженцами, руководила посадками на участках. Работа позволяла ей хоть ненадолго отвлечься.

За год ежемесячных попыток вырастить в пробирке жизнеспособные эмбрионы Джонсоны почти потеряли веру в то, что это возможно. Они продолжали бороться даже не столько по инерции, сколько из страха признать поражение. Оба в глубине души знали, но боялись признаться себе, что все бесполезно, надежды нет и пора остановиться.

Джейн высаживала агаву на участке у своей постоянной клиентки — жены какого-то русского промышленника, которая хотела, чтобы перед ее подмосковным домом непременно росла агава и вообще все было «как в Калифорнии, ну, вы меня понимаете». Джейн пыталась объяснить, что теплолюбивая агава вряд ли приживется в холодном северном климате, но клиентка была настойчива. В итоге агаву таки привезли, и Джейн наблюдала, как рабочие высаживают ее в специально подготовленную яму, наполовину заполненную смесью торфа и опилок — своего рода одеяло, под которым корни растения (Джейн на это очень надеялась) не будут мерзнуть суровой русской зимой.

В кармане завибрировал мобильный. Джейн посмотрела на экран. Звонили из клиники. Она

не сразу поняла, о чем речь. А когда поняла — не поверила.

И только когда профессор на том конце провода чуть ли не закричал на нее: «Срочно! Приезжайте немедленно, у вас два часа, надо сейчас же делать подсадку! Эмбрионы ждать не могут!» — Джейн стало ясно: у них получилось!

Подсадка прошла удачно. Джейн провела еще сутки в клинике — в кровати, почти без движения. Ей нельзя было вставать, садиться, поворачиваться на бок — это могло повредить эмбрионам, помешать им прижиться.

Сэм примчался, как только узнал, что жена в больнице. Вбежал в палату с огромным букетом. Они сидели обнявшись, и Джейн плакала — громко, навзрыд. Это были счастливые слезы. Слезы Робинзона Крузо, увидевшего на горизонте паруса. У них будет ребенок. Свой, собственный! Они победили. Все было не зря. Все-таки они победили.

А еще через два дня у Джейн началось кровотечение, и оказалось, что эмбрионы не прижились. Когда Сэм приехал с работы, жена сидела в углу дивана, закутанная в халат, бледная, постаревшая на десять лет. Мешки под глазами от слез налились фиолетовым.

— Ну что вы хотите? — сказал профессор Сэму. — Вероятность успеха — не более тридцати процентов. Вы хотите детей, она хочет, а ее организм — нет. А мы, доктора, — не боги, с природой не поспоришь.

И тогда Сэм решил, что надо смириться. Не следует пытаться выломать дверь, которую Господь для тебя закрыл.

Они с Джейн сидели в гостиной, пили вино и разговаривали. За окном сверкал куполами храм Христа Спасителя.

Принять мысль, что у тебя никогда не будет собственного ребенка, было мучительно. Но они сумели это сделать. Однако если Бог закрыл дверь, вполне может быть, что он оставил где-то открытым окошко.

Сэм и Джейн проговорили всю ночь. Это был длинный, честный разговор. Впервые за долгие годы они отбросили свои страхи и решились посмотреть правде в глаза. Они могли бы пытаться и дальше, они могли окончательно загубить свой брак, который и так вот-вот затрещит по швам. Они могли бы стать заложниками своего навязчивого желания иметь детей. Но решили, что этого нельзя допустить.

Под утро они приняли решение обратиться к услугам суррогатной матери.

• • •

Двадцать один пятнадцать. Первый рабочий день закончен. Выруливая со стоянки, я подводила итоги этого длинного, суматошного дня. Что у нас в сухом остатке? Три с половиной прочитанных дела, из которых одно, в полном соответствии с номером, оканчивающимся на «тринадцать», обещает попить крови. Сложное

дело, чего уж там. Сложное и объективно, и для меня лично, с человеческой точки зрения. Кажется, это именно тот случай, когда из двух зол надо выбрать меньшее, а они, как назло, оба большие... Ладно, дело с номером, оканчивающимся на «тринадцать», я, пожалуй, возьму завтра домой и не торопясь, очень внимательно еще раз (а может, два или три) прочту. Благо заседание по нему не завтра и даже не через неделю. И на том спасибо. Есть время хотя бы для себя определиться, кого в этом деле с двумя встречными исками стоит считать наиболее пострадавшей стороной.

Ну, слава богу, хоть с урной разобрались. Просто анекдот какой-то. Мое первое в жизни судебное слушание — и не про что-нибудь, а про урну... Встать, суд идет, рассматривается гражданское дело по иску Городского управления коммунального хозяйства к гражданину... Как его? А, Пенкину! К гражданину Пенкину Андрею Ивановичу. О возмещении ущерба. Ущерб городскому хозяйству был нанесен вследствие наезда транспортного средства на контейнер для сбора отходов, в скобках — урну бетонную, емкость сорок литров.

Битый час я пыталась выяснить у этого самого Андрея Ивановича, с чего ему вздумалось таранить урну. Приличный ведь вроде гражданин. И не пьян был. И водительский стаж большой. И скорость маленькая. И на дороге — никого, ночь-полночь, тихий двор в центре.

урну был удивлен не меньше моего. Пожимал плечами, тряс бритой башкой и ничего, кроме «сам не пойму, как все вышло», сообщить по существу дела не мог. За что и поплатился рублем.

Самый гуманный суд в мире в моем лице обязал гражданина Пенкина возместить ущерб в размере семисот девяноста трех рублей. Последними его словами были: «Я не хотел!»

А я вот — хочу. Горячего супа, ванну и спать. И чтобы никаких домашних заданий не проверять, и чтобы завтра — выходной. И Париж, и осень, и шут с ними, пусть будут Елисейские Поля!..

Между тем супа никакого у нас дома нет, в лучшем случае в кухонном шкафу завалялась коробка лапши быстрого приготовления. Горячей воды по вечерам в нашей «хрущобе» отродясь не бывало — все, вернувшись с работы, принимаются мыться-стираться-готовить. Первые три этажа моются теплой водой, а нам, бедолагам, на нашем пятом, хорошо, если напора хватит на холодную. До кровати, теплого одеяла и книжки и вовсе как до луны пешком. Прежде чем забыться здоровым сном, мне надо проверить у Сашки алгебру, после алгебры — позаниматься с ней английским... Алгебра-то ладно, с алгеброй мы разберемся, а вот с английским беда, английский она без меня не сделает...

Были бы деньги — наняла бы репетитора. Но на репетитора у меня сейчас категорически нет средств. Господи, как же я вымоталась сего-

дня, кто бы знал. Просто никаких сил не осталось. Сейчас я тоже въеду в какую-нибудь урну, и мне тоже придется давать в родном суде объяснения, как я дошла до жизни такой. И ущерб возмещать. Семьсот девяносто три рубля. Которых, напоминаю вам, Елена Владимировна, у вас нет и до зарплаты точно не появится.

— Не ной, Кузнецова, — одернула я сама себя. — Ты отличный водитель, ну, может, не совсем Джеймс Бонд, но две-три урны, которые попадутся тебе на пути, объехать вполне в состоянии. В твоей жизни полным-полно всего хорошего, и вообще, прекрати умыться слезами и подумай лучше, где бы забесплатно раздобыть больших картонных коробок для переезда.

Мысль о переезде грела душу. Уже в эти выходные мы с Сашкой переберемся на новое место, и у нас будет не конура, а приличная, хоть и опять однокомнатная, квартира. Зато кухня там — не пять метров, как сейчас, а все десять. А на десять метров можно и диванчик впихнуть, и работать там, когда Сашка спит или уроки делает, и гостей принимать, если кто заглянет.

Правда, ни диванчика, ни шкафчика, ни даже заваливающей книжной полки у меня нет. Собственно, вообще нет никакой мебели. То, что в квартире, — хозяйское, и, уезжая, мы все это оставим. И Василь Васильич Лавренюк, благородно оставивший мне в наследство гвоздь, нам не пример!

Ну, ничего, проживем на коробках. Зато у нас будет много места и не надо за квартиру от-

давать две трети зарплаты. К тому же кое-какой мебелишки нам добрые люди подкинут. Моя сестра, Натка, обещала презентовать на новоселье комод красного дерева, оставшийся ей от очередного несостоявшегося мужа и не гармонирующий с прочей мебелью в гостиной. Натка, конечно, может наобещать, а потом снова удариться в устройство личной жизни и забыть обо всем на свете. Но может и не забыть. Тогда будем мы с комодом. Из красного, не побоюсь этого слова, дерева. Заведем семь слоников, поставим на комод, будет как в лучших домах.

Машка, помощник прокурора, до вчерашнего дня — моя коллега и по совместительству — лучшая подруга, отдает мне старую стиральную машинку, почти новый двуспальный диван и три венских стула.

Из самого необходимого остается стол — письменный, обеденный, неважно, хоть какой-нибудь на первое время. Ладно, со столом что-нибудь придумаю. А сразу после зарплаты я поеду и куплю большое трюмо. Трюмо я присмотрела в мебельном на Таганке и ходила вокруг него вторую неделю. Оно было шикарное, в рост, с четырьмя выдвижными ящиками с одной стороны и двумя — с другой. В эти ящики поместятся все наши с Сашкой фены, расчески, помады, заколки и прочее барахло, которое вечно валяется по квартире и имеет удивительное свойство теряться в самый неподходящий момент.

Решено. Трюмо я куплю прямо в день зар-

платы. После работы заеду и куплю. Без стола можно прожить. Даже легко. Ну, может, не очень легко, но можно устроиться. А вот жить вдвоем с тринадцатилетней дочерью без трюмо совершенно невозможно.

Я притормозила возле круглосуточного магазина неподалеку от дома и пошла выпрашивать большие картонные коробки для переезда. Не с узлами же переезжать, в самом деле. Между прочим, если на коробку положить кусок фанеры, например, как раз получится стол. Только коробка должна быть действительно большая.

• • •

— Я не очень понимаю, мистер Джонсон, почему вы решили обратиться к услугам суррогатной матери в России, — юриконсульт Американского посольства, к которому Сэм и Джейн обратились, чтобы обсудить юридические нюансы предстоящей процедуры, посмотрел очень серьезно, даже сурово. — Не проще ли дожидаться возвращения на родину?

Юриконсульт посольства, господин Абрахэм, был немолодой, гладкий, ухоженный господин. На столе у него стояла семейная фотография в серебряной рамке — мистер Абрахэм в окружении детей и внуков.

Как объяснить этому человеку, которого судьба щедро наделила тем, чего лишены Джон-

соны, что они не могут ждать еще несколько лет?

Контракт Сэма заканчивается через полтора года. Значит, полтора года — со счетов долой. На сколько растянутся в Америке поиски суррогатной матери? Может, на полгода, может — на год. Итого — два с половиной. Плюс время, необходимое на обследование. Потом — снова забор репродуктивного материала, подсадка эмбрионов — уже суррогатной матери. Не факт, что получится с первого раза. Может быть и две, и три, и пять неудачных попыток. Сколько это займет? Один Бог знает, да и то не наверняка. Добавим девять месяцев на беременность, и получится... Не меньше четырех-пяти лет. Выдержат они столько? Выдержит столько их брак? Выдержит Джейн? Сможет ждать так долго? Сэм думал, что нет.

Но что толку рассказывать мистеру Абрахэму, счастливому обладателю трех взрослых дочерей и кучи румяных белозубых внуков, о том, что такое четыре года ожидания после всего, что им уже пришлось пережить? Вряд ли мистер Абрахэм поймет. Сытый голодного не разумеет, так, кажется, говорят у русских?

— Видите ли, мистер Абрахэм, в России это обойдется значительно дешевле, чем в Штатах, — сказал Сэм. — Я наводил справки. Русские женщины готовы выносить и родить чужого ребенка за пятнадцать-двадцать тысяч долларов. С учетом оплаты клиники общая сумма расходов все равно не превысит тридцати ты-

сяч. А в Штатах это будет стоить минимум в три раза дороже.

Для мистера Абрахэма это, бесспорно, было аргументом. Он знал цену деньгам и уважал это качество в других. Будучи отцом трех дочерей, мистер Абрахэм прекрасно знал, во что обходится содержание и образование ребенка, и хорошо понимал, что, сэкономив на услугах суррогатной матери, Джонсоны смогут положить разницу на счет ребенка, и, когда настанет время поступать в колледж, родителям не придется брать кредит. Умно, очень даже умно.

Но, похоже, Джонсоны не в курсе юридических тонкостей, связанных с суррогатным материнством, которых достаточно и в Америке. Что уж говорить о России...

Абрахэм счел своим долгом ввести супругов в курс дела.

Он почти дословно пересказал им знаменитый меморандум комиссии Американского общества по борьбе с бесплодием 1986 года. Комиссия тогда выразила по поводу суррогатного материнства серьезные сомнения этического характера, которые «не могут быть сняты, пока не будет получено достаточных данных для оценки опасности и возможных преимуществ обсуждаемой процедуры». И, надо заметить, сомнения этического характера не были сняты и сейчас, по прошествии почти тридцати лет. Больше того, мистер Абрахэм подозревал, что они вообще никогда не будут сняты.

ласти настолько не разработано, что правовая путаница возникает везде и всегда. Вспомнить хотя бы процесс Джексон против Кальвертов.

Сэм слышал об этом процессе. Супруги Кальверт, неспособные родить ребенка естественным путем, заключили соглашение об услугах суррогатной матери с некоей Анной Джексон — молодой незамужней медсестрой. За десять тысяч долларов последняя согласилась выносить плод, зачатый при оплодотворении яйцеклетки миссис Кальверт сперматозоидом ее же супруга. Все шло отлично до тех пор, пока мистер Кальверт не понял, что никаких детей иметь не желает. Понял он это аккуратно за месяц до родов. Внезапно возникшее отвращение мистера Кальверта к детям было так глубоко, что он подал иск в суд штата Калифорния о признании Анны Джексон настоящей матерью ребенка. Суд, правда, иск не удовлетворил — генетически ребенок был потомком четы Кальверт, а Анна Джексон играла лишь роль няни, которой родители временно доверили своего отпрыска. Это логичное, казалось бы, решение суда вызвало волну возмущения по всей Америке. Миллионы рожавших женщин высказывались в СМИ в том духе, что в данном случае погоду делают вовсе не гены, а как раз беременность и роды, так что настоящей матерью ребенка должна считаться женщина, выносившая его под сердцем и родившая.

— Я не намерен отказываться от своего ребенка, мистер Абрахэм, — сказал Сэм. — Наде-

юся, что мы с женой не станем участниками подобного процесса.

— Вы можете надеяться или нет, — ответил Абрахэм, — однако возможен и другой вариант. Скажу больше: он куда вероятнее. Суррогатную мать может психологически травмировать необходимость отдать выношенного ею на протяжении девяти месяцев и рожденного «своего» ребенка генетическим родителям. Это может произойти даже в том случае, если поначалу женщине казалось, что она расстанется с младенцем без особых переживаний. Такие случаи не редкость. Так вот: если суррогатная мать решит оставить ребенка себе, вам придется столкнуться с ней в суде. И вы наверняка проиграете процесс.

— Но ведь существует «случай Беби М.», — возразил Сэм.

Случай этот произошел в 1986-м. Миссис Коттон, первая в мире суррогатная мать, отказалась передать ребенка биологическому отцу. Правда, в конце концов она подчинилась решению суда, и младенец был передан родителям на «усыновление».

— Однако напомню, что миссис Коттон все же разрешили навещать его и принимать участие в воспитании, — сказал Абрахэм. — И это — в Америке. В России же вам просто откажут в усыновлении собственного ребенка. Особенно сейчас, после всех этих скандалов, когда благая, по сути, идея усыновления детей иностранцами оказалась дискредитирована как таковая. По-

нятно, что суррогатное материнство и усыновление — совсем не одно и то же, но все равно... Русскому суду неважно, чей это ребенок генетически, поймите. Россия относится к числу тех стран, в которых принцип «мать та, которая родила» — никак не подвергается сомнению. Вот, послушайте!

Мистер Абрахэм достал из стола Семейный кодекс РФ на английском, нашел нужную страницу и стал зачитывать хорошо поставленным голосом:

— В соответствии с п. 4 ст. 51 СК РФ «лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери)». Только с ее согласия! Без согласия — нет! Понимаете? Вы можете подавать в суд. Но вы проиграете. В Америке шансы выиграть у вас и у суррогатной матери были бы приблизительно равны. Все зависит от штата, где слушается дело, от адвокатов, от того, насколько вы будете убедительны. А здесь шансы выиграть подобный суд — ноль.

Мистер Абрахэм сложил толстые пальцы колечком и показал Сэму.

— Но есть и другой аспект этого дела, — продолжал юрисконсульт. — Вас могут элементарно обмануть. Услуги по усыновлению в России нередко предоставляют так называемые «серые» посредники, полукриминальные фир-

мы, единственная цель которых — заработать на вашей проблеме. Вы знаете о случаях, когда родителям под видом их собственного «суррогатного» ребенка пытались подсунуть чужого, «отказного»?

Сэм не знал.

— Вы в курсе, что после наступления беременности часто начинается откровенное вымогательство? — продолжал юрист. — Суррогатная мать требует от генетических родителей купить ей жилье, обеспечить ее будущее, грозит в противном случае не отдать ребенка?

Нет, они ни о чем подобном и не слышали. Не знали, что, в отличие от Америки, в России нет единой базы данных женщин, предлагающих услуги суррогатной матери. Зато есть гуляющий по Интернету черный список мошенниц, жертвами которых стали многие бесплодные пары, — очень длинный список.

Официальной статистики не существует, но Абрахэм считал, что из ста женщин, вызвавшихся стать суррогатными матерями, примерно треть составляют мошенницы и разного рода аферистки, желающие нажиться на чужой беде.

— Разумеется, какая-то информация о потенциальных суррогатных матерях имеется в медицинских центрах, — сказал он. — И надежнее всего обращаться именно туда. Впрочем, и у них информация неполная, отрывочная, фрагментарная. К тому же кандидатки, как правило, не обследованы, и по результатам анализов по-

ловина из них отсеется. О психологическом тестировании я и вовсе молчу — его просто нет.

И мистер Абрахэм захлопнул Семейный кодекс, который до сих пор держал в руках. Это был эффектный жест, означающий, что тема разговора исчерпана.

• • •

Рядом с дверью зала заседаний вывешен был список дел и назначенное для слушаний время. Первое слушание — в 10.20. Следующее — в 10.30. За ним — в 10.45. И так — до восемнадцати часов. На каждое дело отведено было по десять-пятнадцать минут. Лена посчитала: выходило, за день слушается больше тридцати дел. И это только у одного судьи. Как это вообще возможно? Может, что-то напутали? Лена подошла к другому залу заседаний. То же самое. Тридцать дел по десять минут на каждое.

— Леночка! Доброе утро! — За спиной у Лены появился Анатолий Эммануилович Плевакин — ее непосредственный начальник. С виду ничем не примечательный, седенький, тонкокостный Плевакин был великолепным судьей, очень эрудированным человеком, замечательным собеседником и обладал каким-то просто атомным обаянием. Достаточно его увидеть — и жить становится лучше. Почему? Бог его знает. Но становится, это совершенно точно.

— Что? Любуетесь нашими портянками?

— Чем... люблюсь, Анатолий Эммануилович? Портянками?

— Вот эти вот списки, — Плевакин махнул рукой в сторону вывешенных рядом с дверью распечаток, — между собой мы их портянками называем. Впечатлились?

— Анатолий Эммануилович, — Лена посмотрела жалобно. — Я что-то не совсем понимаю... Как за пятнадцать минут можно разобрать дело?

— Да ну что вы! — Плевакин заулыбался, положил свою сухонькую лапку Лене на плечо. — Голубчик, разумеется, ни один судья по тридцать дел за день не разбирает. Максимум — десять, но и это редко. В основном пять-семь.

— А как же списки?

— А что списки? Списки, видите ли, составляются с учетом рисков, так сказать. Кто-то не явится, у кого-то заседание отложат, потому что нужно предоставить дополнительные документы, часть из них просто заявления об отмене заочных решений, сами понимаете, такое часто бывает, так это на пять-десять минут... Вот и получается, что половина списка — чистой воды фикция.

Плевакин еще шире улыбнулся и засеменил по коридору к лестнице. А Лена отправилась к себе в кабинет.

За окном по-прежнему лил дождь, простирался все тот же московский палисадничек и не было никакого Люксембургского сада.

погрузилась в чтение. Она как раз дошла до двадцать восьмой страницы, когда дверь с грохотом распахнулась. Висевший на гвозде плащ свалился Лене на голову. На пороге во всем блеске своих без малого тридцати лет предстал младший лейтенант.

— Здравия желаю, Василь Васильич! А я к вам с подарком! Свежий труп на коммунальной кухне, прошу любить и жаловать! — гаркнул он, протопал к столу и плюхнулся на стул для посетителей. Стул под ста пятью килограммами его молодецкого тела жалобно скрипнул.

Лена кое-как выпуталась из плаща и воззрилась на посетителя. Собственно, он тоже на нее воззрился. Как только Лена показалась из-под плаща — так и воззрился. В ту же буквально секунду. И немедленно сдулся. Будто бы даже сделался меньше (хотя при его габаритах это было непросто) — сгорбился, стушевался, заливчатская улыбочка стекла с лица. Лицо сделалось простецким и недоумевающим.

Лейтенант поднялся, зачем-то похлопал себя по карманам, как бы в поисках чего-то срочно ему необходимого, глянул на Лену, отвел глаза, опять глянул и, сообразив, что дальше молчать совсем уж не комильфо, промямлил:

— Простите... Я, наверное, того, дверью ошибся... А скажите, где Василь Васильич?

— Здесь Василий Васильич, здесь, — как могла, успокоила его Лена. — Вы ничего не напутали.

Лейтенант осмотрелся, но Василь Васильича не обнаружил. В кабинете были только стол, заваленный папками, два стула и гвоздь, торчащий из стены, на который Лена в этот момент вешала плащ. Никакого Василь Васильича, равно как и Петра Петровича, не наблюдалось.

— Простите, — снова промямлил лейтенант. — А он где? Ну, я имею в виду Лавренюк?

— Перед вами, — ответила Лена и уселась на место, косясь на плащ и думая, не свалится ли он снова на голову, — Лавренюк — это я.

В лице лейтенанта отразилась вся мировая скорбь. Потом оно пошло рябью, словно лужа на ветру. Широкий, как у сенбернара лоб, сложился морщинами от напряженных раздумий, у рта залегли горькие складки, — похоже, лейтенант решил, что его жестоко обманывают.

— Нет... — протянул он печально. — Вы точно не Василь Васильич...

— Я имела в виду, что я теперь выполняю обязанности Василь Васильича, — сжалась Лена над лейтенантом, который окончательно и бесповоротно сделался несчастным. — Сам он уже вторую неделю как перешел на другую работу, в областной суд. А я пришла на его место.

Лена протянула руку:

— Кузнецова. Елена Владимировна.

Потом все же не удержалась и добавила:

— Впрочем, если вам так удобнее, можете первое время называть меня Василием Васильевичем.

шуток. Но уж больно смешно этот лейтенант морщил лоб и тряс здоровенной башкой, пытаюсь отыскать своего драгоценного Василь Васильича в пустом кабинете. Спасибо еще, под стол не полез...

— Младший лейтенант Таганцев, — отрапортовал он и пожал Ленину руку так, что кости хрустнули, — Константин Сергеевич. Значит, Василь Васильич тут больше не работает? А я думал, чаю попьем...

Таганцев выглядел озадаченным. Кажется, он все еще не смирился с тем, что осиротел и Василь Васильича больше в его жизни не будет.

— Знаете, — сообщил Таганцев, — Василь Васильич очень был хороший мужик. И судья понимающий. А вы?

— Что — я? — удивилась Лена.

— Ну, вы как? Понимающий судья?

— Во всяком случае, очень на это надеюсь, — ответила Лена. Ну и странный же этот Таганцев. — Кстати, у вас красивое имя — Константин Сергеевич. Замечательное имя, театральное.

— Почему это вдруг театральное? — удивился Таганцев.

— Ну, как же! Был такой режиссер, очень знаменитый — Станиславский Константин Сергеевич.

Лоб Таганцева снова пошел складками.

— Станиславский... Станиславский, — забормотал он. — Нет, не знаю такого. Рязанова